

войны Русского народа

считывает более 150 тысяч человек (что с учетом резервов примерно соответствовало действительности. — Р.И.). Он сказал, что армия будет держаться на позициях в Вильно... Еще в середине декабря все рассуждения императора доказывали, что он... упорно продолжает думать, что виленьские склады вновь собрали его армию в единое целое». Что же представлял собой Вильно? Это был город с хорошо укрепленной крепостью, вошедшей в состав Российской империи во второй половине XVIII века, после раздела Польши. Население — преимущественно поляки, которые относились к завоевателям вполне лояльно. Гарнизон крепости, которым командовал наместник Наполеона в Литве генерал ван Хогендорп, был достаточно многочисленным. В его непосредственном подчинении находилось 6 тыс. человек. Кроме того, ему подчинялись италийские части из состава 11-го корпуса генералов Франчески и Кутара (до 8 тыс. человек) и дивизия генерала Луазона (до 9 тыс. человек). Итого: 23 тыс. свежих и сытых солдат, к которым по плану Наполеона должны были подойти боеспособные остатки основных сил его армии. Все вместе, по плану Наполеона, должны были остановить под стенами Вильно натиск обескровленных преследованием русских частей.

Обеспечив переправу остатков боеспособных частей своей армии через Березину, 5 декабря Наполеон, передав командование одному из своих лучших полководцев маршалу Иоахиму Мюрату, спешно покинул Россию. Этот поступок императора Франции не стоит считать ни признаком трусости, ни актом отчаяния. В Париже за время его отсутствия произошла попытка государственного переворота, и ему необходимо было в самом срочном порядке отбыть в столицу. Кроме того, как мы убедились из дневниковых записей Коленкура, Бонапарт бредил реваншем, и ему не терпелось как можно скорее собрать новую армию. Сделать это лучше и бы-

стрее, чем он, было просто некому. Так что на тот момент войну в России он отнюдь не считал проигранной. Это и было поводом для оптимизма великого полководца и стратега, что остается малоизвестным

фактом. Задача была, по его понятиям, проста и выполнима: продержаться в Литве до весны. Ее он и возложил на своего любимца Мюрата.

Однако этим планам не суждено было сбыться, а верные генералы, пожалуй, впервые с начала его завоевательных походов (неслыханная дерзость!) проявили непослушание и открыто проигнорировали его приказы. Главная причина здесь, конечно, одна — разложение Великой армии вторжения в тот момент достигло своего пика, а панический страх перед русскими, присутствие которых французы ощущали везде, преследовал оккупантов от самой Москвы. Усугубили упаднические настроения горе-завоевателей и небывалые морозы. Ртутный столбик термометра резко пошел вниз. 30 ноября он показал 25 градусов мороза, 2 декабря — 30 градусов, а 5 декабря, как раз в день отъезда Бонапарта, — 34 градуса. На следующий день термометр показывал минус 37. Такие морозы держались еще не меньше недели.

Вот тот общий климатический и психологический фон, на котором уставшие, голодные и продрогшие до костей части Великой армии вступили наконец в Вильно. Слухи об остав-

лении армии Наполеоном быстро распространились среди деморализованных частей, и дальнейший процесс стал просто неуправляем. Весь заготовленный провиант был в одночасье разграблен, раста-

щен и уничтожен. Не существовало более ни дисциплины, ни команд, ни чести, на которую больше всего и полагался Наполеон.

А что же Мюрат, этот непобедимый и вездесущий кавалерист, командир 28-тысячного кавалерийского корпуса и бессменный начальник авангарда Великой армии, краса и гордость наполеоновской Франции? Едва получив командование над армией от императора, он тут же открыто высказался, что не считает возможным удерживать Вильно, чем еще больше усилил панические настроения. Даже не попытавшись как-то наладить оборону города-крепости, маршал сел на боевого коня и устремился на за-

пад, не отдав оставленному «на хозяйстве» Нею никаких приказов и распоряжений. Надо ли говорить, что никто из достаточно многочисленного гарнизона города даже не попытался оказать сопро-

тивления подходившим русским частям.

Теперь бегство остатков французской армии было полным и позорным. Бежала даже «старая гвардия» — любимое детище

ее остатков за Неман. Узнав об этом, хладнокровный и сдержанный Бонапарт был так потрясен, что не смог скрыть этого от окружающих его в тот момент людей. «Он был не в состоянии поверить в это событие, — пишет Коленкур, — которое, с его точки зрения, выходило за пределы всякой вероятности и опрокидывало все его расчеты. Не меньше, если не больше, он был потрясен два дня спустя, когда узнал, что происходило в Ковно (пограничный город. — Р.И.) и как держала себя гвардия... Наступил момент самых тяжелых испытаний, момент, когда все иллюзии должны были рухнуть... Узнав об эвакуации Вильно, император тот час же понял все последствия, к которым она могла привести».

«Зрелище погибели войск его невероятное!»

Приведем вкратце статистику и хронологию постигшей армию катастрофы, как она тяла уже после Березины. О размерах потерь в самые морозные дни говорят жуткие циф-

ры: за три самых морозных дня из 15 тыс. солдат гарнизона, вышедших для встречи отступавших от Березины остатков армии, погибло не менее 8–10 тыс., а еще 2 тыс. сдались в плен. Особенно впечатляет такой факт: выделенные для эскорта своего сюзерена 200 неаполитанских кавалеристов, выехавшие навстречу Мюрату из Вильно, замерзли в пути.

По подсчетам русских историков, при спешной эвакуации оккупационных войск из Вильно организованно дошли до Немана всего 2,5 тыс. Под Ковно к ним присоединились еще 1,8 тыс. человек — то, что осталось от основных сил

Великой армии, переправившейся через Березину. Но некоторые источники утверждают, что через Неман 14 декабря переправилось не более 800 сохранивших остатки дисциплины и боеспособности солдат. Насколько это правда, точно теперь, пожалуй, и не узнаешь, но зато кто и когда последним из наполеоновских маршалов покинул русскую землю известно — это сделал маршал Ней в восемь вечера 14 декабря. Еще некоторое время разрозненные остатки отдельных частей французской армии в разных местах перебирались на другую сторону реки, а 25 декабря (по новому стилю 6 января) в освобожденном Вильно, в канун Рождества, император Александр издал манифест об освобождении России от нашествия двенадцати языков. В нем Александр писал: «Ныне с сердечною радостью и горечью к Богу благодарность объявляем Мы любезным Нашим верноподданым, что событие превзошло даже и самую надежду Нашу, и что объявленное Нами, при открытии войны сей выше меры исполнилось: уже нет ни единого врага на лице земли Нашей; или лучше сказать, все они здесь остались, но как? Мертвые, раненые и пленные. Сам гордый повелитель и предводитель их едва с главнейшими чиновниками своими отселе ускакать мог, растеряв все свое воинство и все привезенные с собою пушки, которые более тысячи, не считая зарытых и потопленных им, отбиты у него и находятся в руках наших. Зрелище погибели войск его невероятно! Едва можно собственным глазам своим поверить. Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у Главнокомандующего над войсками нашими знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги; ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием; ни вообще у сего храброго Нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих...»

Так закончился русский кошмар Наполеона.

Уже будучи низложенным, находясь на острове святой Елены, французский император признавал: «Россия — это сила, которая гигантскими шагами и с величайшей уверенностью шагает к мировому господству». Не допустить этого стремятся ее старые и новые враги.

Роман Илющенко, Nvo.ng.ru